

## ӘЛЕУМЕТТИК ҒЫЛЫМДАР

### SOCIAL SCIENCES

МРНТИ 03.01.07

*Н.Э. Каримова<sup>1</sup>*

<sup>1</sup>Ташкентский государственный институт востоковедения, г.  
Ташкент, Узбекистан

#### КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ХАМИ (КУМУЛ) – «ВОРОТАХ» К ЗАПАДНОМУ КРАЮ

**Аннотация.** В статье рассмотрены особенности взаимоотношений минского Китая и восточно-туркестанского оазиса Хами.

Первый император Мин создал подобие буферной зоны вне границ Китая вдоль Великой стены. Минский двор тратил огромные средства для поддержания своего участия в делах караула Хами. В сфере официальных межгосударственных контактов весьма важную роль играли чисто ритуальные действия и атрибуты, что позволяет предположить, что власть Минов здесь была больше формальной.

Обращено особое внимание на то, что система отношений минского Китая с северо-западными соседями строилась в традиционно китаецентристском духе. Из всех аспектов отношений империи Мин с Западным краем наиболее актуальным был «даннический».

**Ключевые слова:** династия Мин, Хами (Кумул), Турфан, Сиюй, Западный край, Западные страны, Хами-вэй.

\*\*\*

**Abstract.** Features of the relationship between Ming's China and the East Turkestan oasis Hami have been considered in the report.

The first emperor Ming created a semblance of a buffer zone outside the borders of China along the Great Wall. The Ming's Courtyard spent enormous funds to maintain its participation in the affairs of the guard Hami-wei. In the sphere of official interstate contacts, purely ritual actions and attributes played

a very important role, which suggests that the power of the Ming was more formal here.

It has been paid special attention to the fact that the system of relations between Ming's China and its north-western neighbors was built in the traditionally Chinese-Centrist spirit. Of all aspects of relations between the Ming empire and the Western Territory, the most relevant was "tributary".

**Keywords:** Ming dynasty, Hami (Kumul), Turfan, Siyu, Western territory, Western countries, Hami-wei.

\*\*\*

**Андатпа.** Мақалада Қытай Минскі мен Шығыс Түркістан Хами оазисі арасындағы қатынастардың ерекшеліктері қарастырылған.

Бірінші император Мин Ұлы қабырға бойындағы Қытай шекарасынан тыс буферлік аймаққа ұқсайды. Минск ауласы Хамидің қарауына қатысу үшін үлкен қаражат жұмсады. Ресми мемлекетаралық байланыстар саласында тек салттық рәсімдер мен атрибуттар өте маңызды роль атқарды, бұл шахталардың күші бұл жерде формалды болғандығын көрсетеді.

Минск Қытай мен оның солтүстік-батыс көршілері арасындағы қатынастар жүйесі дәстүрлі қытайлық-центристік рухта құрылғанына ерекше назар аударылды. Мин империясы мен Батыс территориясының қарым-қатынастарының барлық аспектілерінің ішіндегі ең маңыздысы «салалық» болды.

**Түйін сөздер:** Мин дистанциясы, Хами (Кумул), Турфан, Сиюй, Батыс аймақ, Батыс елдері, Хами-вэй.

В 1368 г. к власти в Китае приходит династия Мин (1368-1644), сменившая монгольскую династию Юань (1279-1368 гг.). В «Мин ши» («Истории [династии] Мин») так говорится о землях Восточного Туркестана того времени: «[династия] Юань погибла, каждый обособлен, перестали думать о единстве...» [1, с.118].

Едва взойдя на престол, Мины пытаются расширить сферу своего влияния, но еще в течение двадцати лет после воцарения на престоле, первому императору Мин – Тайцзу (Хуньу)<sup>1</sup> пришлось методично подчинять внутреннюю территорию Китая. Это наложило отпечаток на внешнюю политику новой династии. Нестабильность внутри страны, угроза со стороны свергнутых Юаней, сумевших сохранить значительные

---

<sup>1</sup> Тайцзу – император династии Мин, девиз правления Хуньу, годы правления – 1368-1398 гг.

военные силы, существенно ограничивали возможности Китая в деле установления и поддержания связей с иноземными государствами.

Создав разветвленную и стройную военную организацию, император Тайцзу, в целом, оставил систему администрации практически неизменной. В каждом уезде были созданы местные военные командования. Была создана система, аналогичная юаньской, объединявшей местную гражданскую и военную власти в лице единого начальника – *пинчжана*. Также, по юаньскому образцу, Тайцзу сформировал главную военную комиссию – *да дудуфу*. На местах создавались караулы (гарнизоны) – *вэй*.

Первый император Мин на какое-то время создал подобие буферной зоны вне границ Китая вдоль Великой стены. Стремясь к надежной обороне северных границ, император Китая рекомендовал быть постоянно готовым к отражению возможных нападений монголов, а в случае успеха не увлекаться их преследованием. Это была пассивная стратегия. В 90-х годах XIV в. в борьбе с монголами не рекомендовалось покидать укрепленную линию и не выходить за нее [2, р. 42,43,74].

Поскольку система гарнизонов не обеспечивала безопасность, были организованы девять районов обороны вдоль границ с Монголией [2, р. 29,65]. Однако, укрепленными пунктами за Великой стеной империя Мин владела сравнительно недолго, всего несколько десятилетий, вплоть до правления императора Инцзуна<sup>2</sup>.

Для тактических операций пограничные войска объединяли под временным территориальным командованием присланных из столицы *цзянцзюней* (генералы) и *дацзянцзюней*. Повседневное общее руководство местными приграничными войсками осуществляли *цзунбингуани* (командующие) или *чжэньшоу*. Им подчинялись средние командиры, чьи должности передавались по наследству. Огромное развитие получили система секретных репрессивных служб, практика тотального шпионажа. Общая политическая напряженность в империи и периодические чистки государственного аппарата Мин не могли не влиять на эффективность действий вооруженных сил.

К моменту установления империей Мин регулярных отношений с западными странами, Китай еще не представлял собой достаточно прочного экономического и культурного целого. Страна переживала период существенной трансформации и находилась в процессе становления. Вторая половина XIV в., весь XV в. и практически начало XVI в. в истории государства протекли в смутах и войнах. Ситуация

<sup>2</sup> Инцзун – император династии Мин, годы правления – 1436 -1449 гг.

усугублялась тем, что Могольское государство XVI-XVII вв. переместилось целиком в Восточный Туркестан [3, с. 242].

В начале XV в. восточно-туркестанский город-оазис Хами (Кумул) сохранял свою политическую самостоятельность, а также традиционный буддийский историко-культурный облик и после вхождения Турфана в державу моголов в 1421 г. Это объяснялось отчасти тем, что у Хами существовали союзнические отношения с ойратами – противниками моголов. Когда же во второй половине XV в. у ойратов начался процесс распада, то в борьбу за Хами вновь включились моголы. Особенно активно действовал Юнус-хан (Али по китайским источникам). И небольшое Хамийское княжество на протяжении более ста лет оставалось яблоком раздора между ойратами, моголами и Китаем.

Отношения минского Китая и государств Сиюя (Западного края) неразрывно связаны с реальным статусом Восточного Туркестана XV-XVI вв. по отношению к минскому Китаю. В этот период сравнительно регулярные отношения с Китаем поддерживали восточные оазисы Хами и Турфан.

Мы подробнее остановимся на взаимоотношениях минского Китая и Хами, потому что на их отношения распространялись все характерные черты, присущие традиционной внешнеполитической практике позднесредневекового Китая. Эта практика осуществлялась под несомненным влиянием традиционной китаецентристской идеи универсальной монархии и в рамках доктрины сюзеренитета китайского императора над иноземцами. Такая концепция предлагала определенную сумму обязанностей так называемых «вассалов» императора. В их числе принесение дани раз в три года, приезды иноземных правителей к китайскому двору раз в 30 лет, строгое соблюдение норм обращения к императору и других многочисленных китайских ритуалов, принятие почетных титулов и рангов, введение в своих странах китайского летоисчисления, соблюдение церемониала приема китайских послов [4, с.31822а].

Из всех перечисленных аспектов отношений империи Мин с Сиюем (Западным краем, Западными странами) наиболее актуальным, несомненно, был «даннический». Говоря о сфере сугубо официальных, межгосударственных контактов, то весьма важную роль здесь играли чисто ритуальные по своему характеру действия и атрибуты.

Практически с самого начала повествования о Сиюе в «Мин ши» упоминаются случаи титулования правителей Хами. В 1404 г. титул *чжунишунь-ван* (*правитель преданный и покорный*) был пожалован правителю Хами в «ответ на его просьбу». Такие титулы присваивались

хамийским правителям вплоть до начала XVI в. Что означало реально пожалование и принятие их? Прежде всего, титулование не сопровождалось дарением земли, имущества, денег и каких-либо привилегий. «Мин ши» не фиксирует прав и обязанностей носителей титулов, тем более что внутри Китая этот титул отсутствовал и никому не присваивался [5, с.116]. Это позволяет предположить номинальный, символический характер таких титулов.

В 1428-1429 гг. в Хами были титулованы *чжуншунь-ваном* и *чжунъи-ваном* (*правитель преданный и справедливый*) сразу два представителя правившей там династии [4, с. 31825a]. Такое компромиссное двойное титулование произошло в сложной для Хами внутренней ситуации, во время борьбы за престол разных политических сил. Когда же во второй половине XV в. в Хами долгое время оставался открытым вопрос о престоле, Китай воздержался от титулования очередного претендента.

При назначении на должность правителя Хами важно было не просто быть близким родственником предыдущего, но и наследником его по мужской линии. Как отмечено в главе 8 сочинения «О варварах на северо-западных границах»: «...у варваров Хами... не принадлежащий к роду Юань не может исполнять обязанности чжуншунь-вана...» [1, с.130].

Как видно из китайских источников, при наследовании титулов *ванов*, местные правители получали формальное подтверждение минского правительства об этом. Местные чиновники при получении должностей, либо при переходе в следующий по рангу класс, тоже проходили через утверждение династией Мин. Правители Хами одновременно с пожалованными китайским императором титулами, принимали собственные, традиционные для Хами титулы. Например, тот же Шаньба, приняв мусульманское имя Баязет, в 1505-1506 гг. «сам себя провозгласил султаном», о чем упоминает «Мин ши» [4, с.318276]. В начале XVI в. китайские императоры относились к подобным действиям местных правителей с терпимостью, подкрепляя титул *султана* титулом *вана*. Хотя, когда могольский хан Юнус (Али) провозгласил себя султаном, это вызвало отрицательную реакцию у китайского двора [«Мин ши», цз.329, с.31830a]. Дело в том, что могольский султан потребовал себе и знаки императорского достоинства – одежду с изображением дракона и дрессированных слонов [4, с.31832a,б]. Титул *кагана* и *султана* минские императоры не без основания считали равным императорскому. В отличие от хамийских правителей, которые принимали символический титул и действовали по своему усмотрению, турфанские моголы не

соглашались даже на это. Они требовали признать себя султанами, а не получив, обходились без китайских титулов и грамот.

И все же, хамийские правители, как и представители других государств Западного края, проявляли неподдельный интерес к получению титулов, грамот, печатей и прочих китайских регалий. В то же время их поведение, зачастую, свидетельствовало об отсутствии пиетета в отношении минского престола. Скорей всего, большинство правителей государств Западного края рассматривали получение китайских регалий как ритуал и признание собственного суверенитета [6, с.38]. Китайские же императоры довольствовались признаниями их универсальной власти, пусть даже формальными.

Еще один аспект взаимоотношений минского Китая и Хами. Еще в 1406 г. императорским указом в Хами был учрежден караульный пикет (*вэй*), получивший название Хами-вэй. Некоторые исследователи склонны считать, что с момента образования, Хами-вэй повел в отношении Китая весьма независимую политику. Г.В. Мелихов в работе «Политика минской империи в отношении чжурчжэней» подчеркивает совершенно формальный характер таких «взев» [7, с.265]. Они создавались в попытке связать имперским влиянием небольшие соседние государства Западного края и поставить их если не под косвенный контроль, то хотя бы под наблюдение Китая. В отношениях с «взями» также практиковалось пожалование титулов и служебных рангов.

Хами-вэй отличался от других караулов в Западном крае тем, что туда был назначен *чжанши* с помощником. Должность *чжанши* в эпоху Мин давалась тем, кто возглавлял гражданскую администрацию внутренних уделов империи. Но упоминаний о том, что в подчинение *чжанши* придали войска, в китайских хрониках нет.

Китайские источники приводят многочисленные сведения о многократных нападениях соседних государств на Хами, особенно со стороны усилившегося в XV в. и расширившего свои границы вплоть до Хами государства Турфан. Причин, по которым Турфан хотел захватить Хами-вэй, правители которого поддерживали активные отношения с Минской династией, было несколько. Главная из которых – возможность контролировать одну из главных караванных дорог, по которой перевозились товары между западными странами и Китаем. В 1473 г. Турфан впервые попытался подчинить себе Хами, надеясь вытеснить влияние Минской династии над жизненно важной дорогой.

Другой немаловажной причиной захвата Хами Турфаном, было расширение последним своих территорий на восток до самых границ

Китай. В конечном итоге Минам пришлось отказаться от возможности контролировать Хами и ликвидировать караул Хами-вэй.

Несмотря на это, в китайских источниках созданию караула Хами-вэй в Хами уделяется большое внимание и преподносится этот исторический факт как величайшее событие, сыгравшее важную роль в истории Восточного Туркестана.

Действительно, на караул Хами-вэй было возложено несколько задач:

- хамийский караул Хами-вэй и его правитель – *чжуншунь-ван* представлял власть минского двора в Восточном Туркестане;

- обязанностью Хами-вэя была «защита западных окраин, как последнего пункта, разведку и сбор информации о внешних врагах (глава 163 «Инцзун шилу»)» [8, с.16]. В начале правления династии Мин, Хами на юге граничил с Шачжоу, на западе – с Хочжоу, на севере – с Вала, на юго-востоке – с Сучжоу. За исключением граничившей с Хами на юго-востоке и находившейся в подчинении Минской династии, территории Сучжоу, остальные соседи создавали угрозу не только Хами, но и Китаю. В этой ситуации Хами, естественно, превратился в передовое укрепление северных китайских земель;

- одной из главных задач караула Хами-вэй было сопровождение и охрана посольств, направлявшихся в Китай и обратно и обратно, торговцев, буддийских послушников и др., ведь Хами находился на главной дороге, связывавшей минский Китай с 38-ю государствами Центральной и Западной Азии. Сопровождение всех чужеземцев было обязательным, «нельзя уклониться от приказа...», как отмечают «Мин Инцзун шилу» в главе 163 [1, с.129].

Минский двор тратил огромные средства для поддержания своего участия в делах Хами, что позволяет предположить, что власть Минов здесь была больше формальной.

Одной из главных причин, приведших к отказу от караула Хами-вэй, можно назвать сложную обстановку на границах минской империи. Как раз в то время (1514 г.) к власти в Яркендском ханстве приходит Султан Саит-хан, «в период правления которого, это государство достигло наивысшего могущества и заняло территорию» [9, с.130] почти всего Восточного Туркестана. Хами и Турфан присоединились к Яркенду в 1516 г.

Еще одним основанием ликвидации Хами-вэя было то, что на тот момент он стал единственной заставой, находившейся в подчинении Минской династии, да и то, практически формально. Только в самом начале, после учреждения караула, сюда были присланы двое ханьцев

(китайцев), которые должны были помогать *чжуншунь-вану* в управлении государственными делами.

Целый ряд установлений Минской династии так и не были осуществлены в Хами. Главной опорой Минов были остатки исчезающих потомков монгольской династии Юань, которые уже не обладали реальной силой и авторитетом, чтобы управлять государством. Ко всему прочему, несмотря на то, что Хамийский оазис был крайней областью Восточного Туркестана, он был достаточно удален от Центральной равнины Китая, откуда «посылать воинам продовольствие далеко, рискованно, много препятствий [по дороге]...» [9, с.129], тем более, при военных беспорядках.

Все это послужило поводом тому, что с 1514 г. династия Мин решила не восстанавливать караул Хами-вэй и он отошел сначала к Турфану, а затем вошел в состав Яркендского ханства. С того времени хамийский вопрос более не поднимался, благодаря чему «пограничные области расправили плечи» [4, с.318306].

Таким образом, не оправдала себя ставка Китая на систему «*взев*» как своего рода буфер между Китаем и азиатскими соседями. Под ударами моголов она рассыпалась и предпочтение Китаем в этой ситуации было отдано соглашению с ними.

Тем не менее, за период своего существования с 1406 г. по 1514 г., хамийский караул Хами-вэй сыграл определенную роль во внешней политике минского Китая.

На материале «Мин ши» и других китайских исторических хроник можно убедиться, что система отношений минского Китая с северо-западными соседями строилась в традиционно китаецентристском духе.

В минском Китае широко использовался прием номинального титулования, направления местным властителям приказов с «порицаниями», «наставлениями», зачастую существенно менявшие свой смысл при переводе с китайского языка на местные языки<sup>3</sup>.

В Западном крае Китай пытался создать систему «*взев*» с надеждой связать их с «*взями*» Ганьсу и Кукунора в единый буфер на пути ойратов и моголов, но это ему не удалось в полной мере.

И последнее, если правители Хами соглашались на символические титулы и другие регалии, видя в этом признание своего суверенитета со стороны Китая, то могущественные Моголы не проявляли к этому

<sup>3</sup> В.П. Васильевым зафиксированы распространенные случаи вольных переводов посольских бумаг на китайский язык с «варварских» языков: титул кашмирского правителя (махараджа) в Китае перевели словом «раб», «слуга», т.е. «подданный» [10, с.1].



никакого интереса и даже пытались навязать Китаю свои собственные представления о формах признания своего суверенитета.

Несмотря на то, что отношения между империей Мин и Хами развивались достаточно противоречиво, Хами (Кумул) предстает как вполне самостоятельное государство. На примере взаимоотношений Китая и Хами можно представить политический статус государств Западного края (в частности, Восточного Туркестана), в целом, вполне независимым.

#### **Список использованной литературы:**

- 1 Вэйуэрцзу шилiao цзяньбянь (Извлечения из исторических материалов по истории уйгуров). – Бэйцзин: Чжунъин миньцзусюэ яньцзюбубянь, 1955. Т.1. – 300 с.
- 2 Hucker Ch. The Ming dynasty: its Origin and Evolving institutions. – Ann Arbor, 1978. – p. 365.
- 3 Акимускин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI в. – 60-х гг. XVII в. // Палестинский сборник. Вып.21. – М.-Л., 1970. – С.156-163.
- 4 Мин Ши (История [династии] Мин) // Эрши сыши (Двадцать четыре истории). – Шанхай, 1958. Т.3. – 3975 с.
- 5 Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII вв. – М., 1978. – 168 с.
- 6 Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв. – М., 1968. – 212 с.
- 7 Мелихов Г.В. Политика минской империи в отношении чжурчжэней (1402-1413) // Китай и соседи. – М., 1970. – 251-274 с.
- 8 Тянь Вэйцзян. Лунь Миндай Хамивэйды шэчжи цзи ци ии (Об учреждении в эпоху Мин караула Хамивэй и его значение) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ яньцзю. – Улумуци, 1984. №13. – С.13-20.
- 9 Кутлуков М. Об образовании Яркендского ханства // Маловские чтения. – Алма-Ата, 1990. – 300 с.
- 10 Васильев В.П. Столкновение Франции с Китаем // Восточное обозрение. – 1884. №3. – С.1-10.